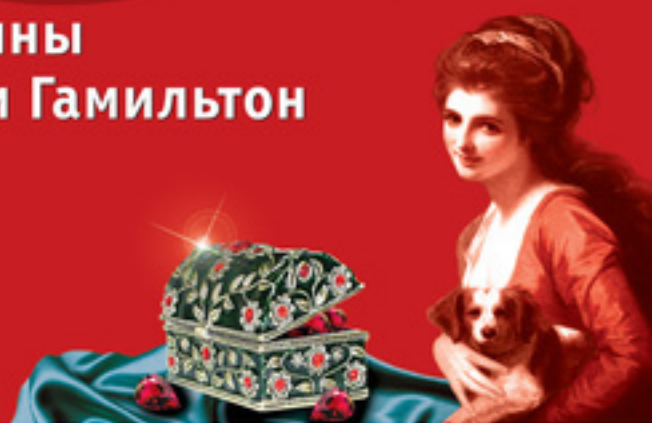

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Розовые рубины впитали
в себя каплю крови, став
светло-красными, – так камни,
принадлежавшие прекрасной
леди Гамильтон, впервые
подали знак о том, что для
всех своих обладателей
они будут вечно связаны
с кровавыми переменами
в их судьбах...

Алина ЕГОРОВА

Рубины леди Гамильтон

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Артефакт & Детектив

Алина Егорова

Рубины леди Гамильтон

«ЭКСМО»

2011

Егорова А.

Рубины леди Гамильтон / А. Егорова — «Эксмо»,
2011 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-49198-8

«Что может быть прекраснее сверкающих алых рубинов, ограненных в виде лепестков тюльпана и обрамленных бриллиантами-росинками?» — так, наверное, думал лорд Гамильтон, заказывая подарок для своей супруги-красавицы. Ни сам лорд, ни его жена не могли знать, что чудесные камни принесут им лишь горе. И не только им. Волею судьбы попав после долгих странствий в Россию, дивные рубины навредили и своим новым обладателям. Согласно легенде, камни эти питаются... человеческой кровью, изменяя оттенок на более темный всякий раз, когда очередному владельцу грозит близкая смерть... Но питерским следователям не до красивых и страшных легенд — они должны найти и обезвредить убийцу предпринимателя Александра Рыжикова, а также выяснить, кто и за что убил преподавательницу социологии Эмму Гамильтон...

ISBN 978-5-699-49198-8

© Егорова А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

20 апреля 2010 г	5
1940 г. Львов	17
1941 г. Львов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алина Егорова

Рубины леди Гамильтон

20 апреля 2010 г

Утро выдалось ясным и теплым, с легкой апрельской свежестью и запахом сырости. Вода в Разливе стояла спокойная, с едва заметной рябью молочного цвета. Когда-то это место считалось глухоманью, берег покрывали заросли камыша, дороги были непроходимыми. Теперь здесь организовали зону отдыха близлежащего города Сестрорецка. Лес стал лесопарком с асфальтированными дорожками, скамейками, пикниковыми лужайками и удобными спусками к воде. Прежними остались только заросли камыша. Они шуршали сухими листьями, что-то нашептывая ветру, ветер отвечал им тихим завыванием. Если бы камыши умели говорить, они многое бы рассказали и тем самым очень помогли бы следствию. Тогда бы стало ясно, кто побывал на этом берегу и кто засадил нож в голову лежавшему в камышах мужчине. Но камыши продолжали шуршать, ничуть не желая прояснить картину, и следственной группе пришлось работать, как обычно, – без посторонней помощи.

Пенсионер Федор Цветков каждое утро совершал забег вдоль озера. Рядом с ним бежал его фокстерьер Кеша. Кеша был большим лентяем и все время норовил рвануть напрямки, сокращая дистанцию. Еще он любил всюду совать свой нос – то за птицей погонится, то к велосипедисту прицепится, – в общем, компаньон для спорта из Кеши был сомнительный. Этим утром Цветков, как всегда, трусцой бежал по дорожке, Кеша скакал рядом, то отставая, то забегая вперед. В какой-то момент песик перестал попадаться на глаза, и пенсионер почувствовал неладное.

– Кеша, сукин сын! Куда ты делся?! – выругался Цветков. Он был очень недоволен, что приходится прерывать тренировку.

Со стороны Разлива послышалось тявканье. Смачно сплюнув, пенсионер неохотно свернул с дорожки на свежую весеннюю грязь и направился к побережью.

– Кеша! – позвал он еще раз. Питомец на зов не шел, он стоял на песке и лаял на камыши.

– Я подхожу, а там этот лежит. Вроде прилично одет, на бомжа не похож, – объяснял позже Цветков прибывшим по его звонку милиционерам.

– Дня три он тут примерно, – предположил эксперт Николай Потемкин, осмотрев покойника.

Убитому было тридцать четыре года, звали его Александром Леонидовичем Рыжиковым. Все это стало известно из водительского удостоверения, обнаруженного в его нагрудном кармане. Рыжиков был одет в добротную спортивную куртку поверх тонкого свитера, в синие фирменные джинсы и легкие итальянские туфли. Нож, которым его убили, был не простым, в том смысле, что такие ножи не продаются в обычном хозяйственном или охотничьем магазине. Деревянная ручка с наклейкой из органического стекла, на ручке выжжен узор, напоминавший африканские мотивы – то ли буквы, то ли просто какие-то каракули. Определенно, нож самодельный.

– Хотя что-то, – пробурчал капитан Юрасов. Он знал, что дела вроде этого, когда труп обнаруживают где-нибудь в безлюдном месте, легко не раскрываются, а самодельный нож – это какая-никакая, но подсказка. Выделялась еще одна деталь – нож всадили ровнехонько в переносицу покойного.

– Чтобы так метко швырять ножи, нужна особая сноровка, – сказал Потемкин, словно читая мысли Антона.

– Что ты имеешь в виду? Его убил профессионал?

– Не обязательно. Хотя, возможно, убийца имеет отношение к цирку, скажем, работает – или работал – метателем ножей. А может, он военный из специального подразделения, где требуется отличное владение холодным оружием. Но чтобы воткнуть нож таким образом достаточно просто хорошей тренировки. Вполне вероятен и любитель. Силы тут особенной не требуется, надо лишь обладать поставленной рукой. Убийцей может быть и женщина, но тогда рост у нее не ниже, чем у Рыжикова, то есть метр восемьдесят.

– Это уже фотомодель какая-то получается, они все долговязые. – Юрасов сам имел рост под сто восемьдесят и поэтому девушек выше себя считал долговязыми. – Такую дылду и найти легче. Среднестатистические женщины гораздо ниже... А это что? – прервал он собственные рассуждения, увидев, как эксперт извлек нечто из кармана убитого.

– Колечко с рубинами, семнадцатый размер, – определил на глаз Николай.

Он показал Юрасову кольцо из белого золота с тремя крупными камнями темно-красного цвета, похожими на слезы, выплаканные раненым сердцем. Их обрамляла звездная россыпь сверкающих бриллиантов. Кольцо было красивым и изящным. Несомненно, оно предназначалось для женщины.

– Точно. Дело не обошлось без фотомодели, – утвердился в своей догадке Юрасов.

Андрей Владимирович Левашов, подтянутый, но с уже обозначившимся брюшком, шатен, с едва заметной проседью на висках, сидел в коридоре РУВД, ожидая назначенного времени. Он явился заранее и вид имел крайне обеспокоенный и печальный.

– Кто же мог подумать, кто же мог подумать... – запричитал Левашов на манер деревенской кликуши, когда Юрасов пригласил его в кабинет и завел разговор о Рыжикове.

– Как вы думаете, что его могло привести на берег озера?

– Не знаю. Он был непредсказуемым, и если мы не назначали совместную встречу, он о своих планах никогда не извещал.

– Когда вы его видели в последний раз?

– В прошлую пятницу. Да, именно тогда. Мы встретились в нашем офисе, обсудили один проект, а потом я поехал по своим делам, а он остался работать.

– И с тех пор вы ему не звонили?

– Нет, а зачем? Мы с ним все срочные рабочие вопросы уже решили.

– Что вы можете сказать о личной жизни вашего друга?

– Он никого, и меня в том числе, в нее не посвящал. У него всегда были женщины, но долго они не задерживались.

– При нем было найдено кольцо. Вот это. – Юрасов положил перед Левашовым кольцо с рубинами. – Для кого оно предназначалось?

– Не знаю. Никогда раньше этого кольца не видел. Может, для очередной подружки? Саня был нежадным и легко делал дамам подарки.

Из приведенных справок следовало, что Александр Рыжиков вырос в интернате, куда отдали его любившие выпить родители. Отец Александра умер одиннадцать лет тому назад, а мать, Зоя Ивановна, до сих пор проживала на станции Горская. Раньше Горская была поселком, с одинаково бедными деревянными домами, с водопроводом на улице и печным отоплением. Теперь она превратилась в дачный поселок, из-за своей близости к городу и Финскому заливу ставший весьма престижным. Богатые многоэтажные коттеджи постепенно вытесняли старые деревянные домики, их оставалось все меньше и меньше. Но избушка Зои Ивановны упрямо продолжала торчать среди новостроек, как сорняк на розовой клумбе. Старая, с пустыми глазами на испитом лице, в туфлях со стертыми до пятки каблуками и в мужской рабочей фуфайке, женщина сама напоминала никому не нужный сорняк, который не раз уж выкорчевывали, а он вопреки всем законам жизни продолжал существовать.

Спрашивать о жизни сына Зою Ивановну было бесполезно. На явившегося к ней с расспросами Кострова она отреагировала равнодушно, лишь бессмысленно хлопала выпуклыми глазами и бормотала что-то невнятное. Разговор налачился только после того, как Михаил достал из портфеля бутылку «Столичной» и поставил ее на засиженный мухами стол в кухоньке-живописке с засаленным крохотным окошком.

– Сразу видно, приличный человек, – похвалила Зоя Ивановна гостя. – Не с пустыми руками пришел!

Хозяйка мигом «организовала» две замызганные рюмки. Подумала немного и протерла их сомнительного вида полотенцем, больше походившим на тряпку. Рюмки от этого чище не стали, но это ее ничуть не смутило. Аккуратно, чтобы не расплескать, Зоя Ивановна наполнила их водкой.

– Земля пухом! – произнесла она тост и махом опустошила рюмку. Костров лишь пригубил напиток.

– Стоп, – остановил он вошедшую во вкус хозяйку. – Потом допьете. Вы давно видели вашего сына?

– Ой, давно. Совсем давно! Сколько я его нянчила, сколько бессонных ночей провела, а он мне чем ответил? Продукты привезет раз в месяц – и поминай, как звали. Разве я, старая, больная, ему нужна? Столько ночей бессонных, столько ночей...

– Так когда он вам продукты в последний раз привозил?

– Не помню. Да ты сам посмотри в холодильнике, если он полный, то сына мой на днях и был, а если там пусто, то уж, значит, недели три как прошло, не меньше.

Миша открыл новый двухкамерный холодильник, выделявшийся своим чистым обликом среди прочего кухонного хлама. Холодильник был забит до отказа всякой снедью. Он взял пакет с помидорами, на котором белел ценник с датой – семнадцатое апреля и время – двенадцать двадцать две. Рыжиков был убит около шестнадцати часов того же дня. Горская находилась рядом с Разливом. Получалось, что Рыжиков в субботу закупил продукты, отвез их матери, а потом зачем-то приехал на берег озера.

– Скажите, Зоя Ивановна, в котором часу у вас был сын, приехав сюда в последний раз?

– Не знаю, я его не видела. Спала, наверное. Или к Савельевне на станцию ходила. Сын со мной разговаривать не желает, о чем ему со старой больной матерью говорить? Приедет, как кот, сам по себе, выгрузит харч и уедет. Вон холодильник какой огромный купил. Откупился! А мать ему не нужна. Зачем ему мать?

Александр Рыжиков был зарегистрирован в Петербурге, на Малой Посадской улице. Там же он и проживал. Он совместно с Андреем Левашовым являлся совладельцем туристической фирмы «Удача». Фирма процветала, и никаких претензий со стороны госслужб к ней не имелось. После смерти Рыжикова его часть капитала переходила к Зое Ивановне, поскольку никаких других родственников он не имел. Левашов был не только партнером Рыжикова по бизнесу, но и его другом. Поэтому и стал первым подозреваемым.

– Бизнес без трений не бизнес. Наверняка они что-нибудь не поделили. Наша задача – выяснить, что именно. Оттуда и плясать, – размышлял вслух следователь Тихомиров. – То, что доля Рыжикова достанется его матери, наводит на мысль, что Левашов постарается ее выкупить. Пожилую женщину, неискушенную в финансовых вопросах, легко обмануть и завладеть фирмой целиком. Наверняка Левашов преследует именно эту цель.

Оперативники были согласны со следователем. Мотив у Левашова, хоть и завуалированный, но имелся налицо. Доля Рыжикова, выраженная в цифрах, выглядела внушительно. «За такую и убить не грех», – подумал Антон.

Одно обстоятельство портило все дело. У Левашова на момент убийства было стопроцентное алиби. В то время, когда Рыжикову всадили нож в переносицу, он находился в ресторане на площади Победы. У него там была назначена деловая встреча. Партнер не пришел, и

Левашов прождал его больше часа. Это подтвердили официант и метрдотель ресторана. Если допустить погрешность во времени определения наступления смерти, то все равно Левашов не успел бы – от площади Победы слишком далеко, чтобы оказаться в Разливе в момент убийства. Разве что долететь на вертолете.

– Киллера нанял, собака, – резюмировал Юрасов.

– Угу. Только киллер этот должен быть весьма специфическим, раз использовал такое приметное оружие. Дождемся экспертизы, может, она что-нибудь прояснит.

Эксперт с заключением не торопился, ибо, кроме ножа, проходившего по делу Рыжикова, у него на очереди был еще вагон и маленькая тележка вещдоков. И тоже срочных, и тоже неотложных. Нетерпеливый Юрасов, бессовестно пользуясь своей давнишней дружбой с экспертом Потемкиным, основанной на проживании в одном доме, постоянно ему названивал, напоминая о своей персоне, и взял-таки Николая измором.

– Ладно, приезжай, – сказал он по телефону. – Заключение не дам – не готово еще, но кое-что расскажу.

Антон не заставил себя ждать. Через полчаса он сидел в лаборатории и внимательно слушал Потемкина.

– Нож довольно-таки старый, ему как минимум лет двадцать. Изготовлен кустарным способом, можно сказать, на коленке. Такие ножи раньше делали пацаны для своих дворовых игр. Сейчас дети во дворах не играют, все больше за компьютерами сидят и по Интернету общаются. А вот раньше собиралась детвора разных возрастов и затевала игры: салки, прятки, казаки-разбойники – во что только не играли. В ножички, фантики, в карты по подъездам дулись на интерес и на деньги. Ножички – это отдельная история. Каждый уважающий себя пацан имел ножик. Их делали сами, выменивали друг у дружки, покупали. Начертят на земле круг, поделят его на сектора по количеству игроков, каждый стоит на своем секторе и по очереди «грабит» соседей. Воткнется ножик в землю – значит, можно грабить и присоединить отвоеванную территорию к своей. Чтобы воткнуть нож в землю, нужен навык, это только кажется, что все просто. Существуют разновидности бросков: с ладони, с плеча, левой рукой... Пацаны часами оттачивали мастерство, чтобы побеждать в игре.

– А родители? Как же они позволяли им играть с холодным оружием?

– Во-первых, в большинстве случаев ножи эти на холодное оружие не тянули: лезвие короткое. Во-вторых, пацаны обычно свои ножички от родителей прятали. Это сейчас мамы-папы своих чад аж до совершеннолетия всюду за руку водят, а раньше малышня во дворах одна гуляла, мамыши только в окна иногда поглядывали. Или поручали малышей старшим детям, и считалось, что те за ними присматривают. Я сам с четырех лет гулял под присмотром старшего брата. У нас с ним разница – два с половиной года. Какая из него нянька? Тем не менее мать не боялась нас вдвоем на улицу отпускать. Мы гуляли в своем дворе и в соседний на карусели ходили, а как подросли, так и вовсе по всему району бродить стали. И ничего с нами не случилось.

– То есть ты хочешь сказать, что этот нож родом из детства?

– Похоже на то. И еще хочу обратить внимание на рисунок на рукоятке. Скорее всего, это надпись. Такие буквы я видел на одной картине, привезенной моим знакомым из Африки.

– Ну и что же там написано?

– Ишь, какой быстрый! Я тебе не переводчик с черт-те какого на русский. Хочешь получить результат, наберись терпения.

– Ладно, ладно, я все понял. Как бы нам ускорить процесс? – лстиво улыбнулся Антон.

– Всем бы вам ускорить. Через десятку!

– Понял – не дурак.

Ближайший к управлению гастроном находился в десятом доме по Подьяческой улице. Его оперативники и прозвали «десяткой» и часто покупали там всякую съестную всячину для экспертов, чтобы побыстрее получить от них заключение.

– Ну, это не обязательно, – театрально изобразил смущение Николай, когда Юрасов вернулся с подношениями. Капитан держал в руке бутылку «Старого Кенигсберга» и пачку печенья с малиновой прослойкой. – Печенье не обязательно, говорю.

– Это я себе к чаю взял, – пояснил Антон.

Вика

Вику считали слегка придурковатой. Всегда. Нет, она не обижалась. Во-первых, уже привыкла, а во-вторых, на правду не обижаются. Для мужчин Вика была «прелесть, какая дурочка», дамы же, наблюдая рядом с ней очередного поклонника, язвительно говорили: «Дурам везет!» В жизни Вике скорее не везло, чем везло. Отец отсутствовал напрочь, мать работала посудомойкой в школьной столовой. И, что совсем плохо, в столовой той школы, где училась Вика. Сначала девочка этим очень гордилась – не каждый мог на перемене сбегать к маме, а она могла. Когда их класс обедал, Вика всем гордо говорила: это моя мама! Она показывала ручонкой в сторону приемки грязной посуды, где стояла женщина в белом халате работника общепита. «Ну и дура!» – сказала Маринка. У Маринки мама работала бухгалтером и с утра до позднего вечера пропадала в офисе. Ее даже на линейку в первый класс привела бабушка. Тогда Маринка назвала Вику дурой из обиды, но оказалась не так уж не права. Позже, когда Вика стала постарше, она узнала, что быть посудомойкой плохо. Ей этого никто не объяснял, она сама все поняла – по интонациям, с которыми взрослые и подражавшие им дети отзывались об этой профессии. Стало понятно плохо скрываемое брезгливое отношение учителей, которое они проявляли к Вике. Она-то думала, что это все из-за ее не слишком смирного поведения и плохого прилежания в учебе. А оказалось... Так мерзко, горько и ужасно больно. Ее словно бы при всех отхлестали по лицу! С этим пониманием весь мир для Вики вдруг перевернулся и из радостно-светлого стал неуютным и колючим. Краснов – еще тот оболтус, разгильдяй, с вечно невыученными уроками, забытыми тетрадами и формой для физкультуры, а вот его Светлана Николаевна любит и ругает как-то по-особенному. Вика не раз слышала, как в очередной раз, отчитывая Краснова, учительница говорила: «У тебя мама с высшим образованием, а ты...», или: «Мне жалко твою маму, такую умницу, с высшим образованием...» Она всегда делала упор на этом словосочетании – «высшее образование». Тогда, в пятом классе, Вика смутно понимала, что такое высшее образование. То есть, что такое образование вообще, она знала, и слово «высшее» тоже было понятным. Даже что такое высшее образование, она догадывалась, а вот почему из-за него такой ажиотаж поднимают, ей было непонятно. «Все профессии нужны, все профессии важны», – учили их в начальных классах, а потом выяснилось, что нужны-то нужны, но не все одинаково уважаемы.

Вика пришла домой и спросила у матери, какое у нее образование, и получила короткий емкий ответ – среднее. «Иди, делай уроки», – сердито добавила она, но девочка не отставала. «Почему?» – последовал невинный детский вопрос. «Потому», – весомо ответила мать, давая ей понять, что разговор закончен. Раиса Александровна, когда-то красивая, рано постаревшая женщина, достала из холодильника мясо, затем стала выбирать овощи для супа. С готовкой можно было повременить – оставались еще борщ и котлеты, которых хватило бы на три дня. Но нужно было отделаться от дочери с ее неудобными расспросами, а для этого ничего другого, кроме жуткой занятости, Раиса Александровна не придумала. «Почистить картошку?» – предложила свою помощь Вика. «Не надо. Я сама. Лучше учи уроки». Вика ушла, как ей было велено, учить уроки. Вернее, сидеть над раскрытым учебником и заниматься чем угодно, только не уроками. Она рисовала на клетчатом тетрадном листе принцесс и не знала, как

тяжело сейчас на душе у матери. Она своим вопросом об образовании наступила на ее больную мозоль и даже не заметила этого. Вика не понимала, почему для матери так сложно все рассказать, а не ограничиваться многозначительным «потому», словно она маленькая и объяснять ей еще рано. Если бы она знала, какая горькая судьба стоит за этим «потому», сколько разочарований пришлось пережить ее матери, то больше не приставала бы к ней, но мать ничего не говорила, а сама Вика догадаться не могла.

Раечка Грановская – дочь директора целлюлозно-бумажного комбината и заведующей центральной городской библиотеки. Ей, отличнице и красавице из прекрасной интеллигентной семьи, все пророчили большое будущее. Волнистые каштановые волосы, черты лица утонченные, резкие, но красивые. Киноактрисы с такой внешностью обычно играют роковых красавиц с трагической судьбой. Они не могут играть мягких, домашних женщин. Такие и в фартуке с рюшами выглядят царственными тигрицами или жестокими стервами. Никто и не ожидал от Грановской, что после школы она выйдет замуж и оседет дома. Она готовилась к поступлению в университет, на факультет иностранных языков. Любые учебники, репетиторы – Грановские ничего не жалели для дочери. Раиса не сомневалась в своих силах, она уже представляла себя в заграникомандировках в роли переводчицы. У нее обязательно появятся цветастые жакеты и туфли с открытой пяткой, большие, на пол-лица, очки в белой оправе и клетчатая юбка в складку, как она видела в одном американском фильме. Но поступить в первый год Раечке не удалось. На второй – тоже. Потом у нее опустились руки, завелись женихи и любовь, как лекарство от скуки.

Викин будущий отец был парнем красивым, статным, престижным. Он доучивался на последнем курсе политехнического института и подрабатывал на стройке. Впереди маячило место в конструкторском бюро с хорошими перспективами и приличным окладом. В общем, парень был видный. Он даже предложил – надо им пожениться. Свадьба не состоялась – жених как-то не так себя повел, не то сказал, не подал вовремя руку, как требовали правила этикета, чем вызвал у «девочки из хорошей семьи» недоумение. «Я не хочу выходить замуж за плохо воспитанного человека», – с пафосом сказала Раиса. Далее, по ее идее, должны были последовать извинения и обещания исправиться, но Викин отец был мужчиной гордым. По два раза он руку свою не предлагал. «На нет и суда нет», – сказал он и откланялся. О том, что скоро появится Вика, он не знал. Впрочем, Рая тоже ничего еще не знала. Когда ее скорое материнство стало заметно всем, она продолжала держаться царевной. «Если любит – вернется, я за ним не побегу!» – заявила она. Наличие заботливых родителей гарантировало достаток с дитем на руках и без мужа. Имея крепкий тыл, легко изображать гордую барышню. Грановские не одобряли поведение дочери, но укорять ее не стали. Ее жизнь, ей и решать, рассудили они.

Раису словно кто-то сглазил. Черная полоса началась с того дня, когда она провалилась на вступительном экзамене по русскому языку. И ведь ошибка была глупейшей. Она написала слово «шел» через «о». А потом из-за волнения еще в двух словах допустила непростительные ошибки. Да никогда в жизни она не писала «прекрасный» с двумя «с»! И то, что «незванный» пишется слитно, Рая тоже отлично знала, а вот написала почему-то раздельно. Преподавательница, читавшая ее работу, смерила ее недобрым взглядом, подозрительно посмотрела на пятерку за сочинение в экзаменационном листе и вклеила рядом «неуд» за русский устный. Вызубренные Раисой правила она и слушать не стала – зачем, если и так ясно, что сочинение списано? Подруги ее все поступили, кто куда. Их закружила веселая студенческая жизнь, в которой Раиса чувствовала себя чужой. Дружба их потихоньку таяла. Рае было стыдно, что она не сумела поступить. Даже некоторые безнадёжные троечники из ее класса пополнили собою стройные ряды студентов, а она осталась неприкаянной. Самолюбие заставляло ее ограничить встречи с приятельницами и не выходить в свет, пока не настанет момент, когда можно будет в компании непринужденно поддерживать беседу об учебе и прочих студенческих делах, а не отмалчиваться, сидя в сторонке.

У отца на работе что-то не ладилось. Он всегда был очень ответственным человеком и переживал за службу. Руководить огромным коллективом – дело не простое. За свою трудовую жизнь он получил множество наград и, увы, заработал гипертонию. Однажды вечером, когда Грановские ждали к ужину главу семьи, раздался телефонный звонок. «Александра Борисовича увезла «Скорая». Он в больнице...» На похоронах было много людей, цветов; проникновенные речи, награды на бархатной подушечке. «Он всей душой был предан работе. Такие люди – огромная редкость», – говорили о нем. Семье безвременного товарища обещали поддержку. Сначала все так и было. Материальная помощь, путевки в санаторий, место для ребенка в детском саду для «своих». Потом звонки стали звучать все реже и наконец прекратились. Неожиданно слегла с болезнью мать Раисы. После смерти мужа она сильно сдала. У нее и раньше был неполадок с сердечно-сосудистой системой, но за последний год здоровье очень уж сильно пошатнулось.

Родители Раисы ушли из жизни друг за другом. Молодая женщина сидела в кухне и думала, как свести концы с концами при своей скудной зарплате лаборанта НИИ с малолетним ребенком на руках. «Трешка» Грановских оказалась ведомственной, и Раису попросили съехать из нее в положенную ей по закону «однушку». Вика подрастала, ее на что-то нужно было кормить и одевать. Сама Рая давно уже не носила модных цветастых жакетов и лакированных туфель, которые раньше ей покупали родители. Она готова была помириться со своим несостоявшимся мужем, но того в городе не оказалось. Поговаривали, что он уехал за полярный круг, на заработки. Лаборанткой было работать удобно и не тяжело – всего четыре часа в день и, что немаловажно, среди интеллигентных людей. Когда были живы родители, Рая работала в НИИ для стажа и чтобы бывать на людях. Она продала все, что только сумела: книги, хрусталь, украшения, но все равно на жизнь не хватало. Персонал школьной столовой и детей персонала кормили бесплатными завтраками и обедами, зарплата посудомойки была выше, чем у лаборанта, рабочий день тоже укороченный, а также удобно было приводить дочку в школу и уводить домой. На этом плюсы новой работы заканчивались. Никому из знакомых Раиса не говорила, что работает посудомойкой. Она, девушка из хорошей семьи, знала, какая это низкая социальная ступенька, и ей было очень стыдно, что она оказалась здесь. Конечно же, временно! Раиса никогда не переставала верить, что скоро все изменится. Встретится тот самый, достойный ее мужчина, возьмет ее за руку и отведет в хорошую жизнь. Она, наконец, поступит в институт. Пусть не на факультет иностранных языков – бог с ним, главное, что поступит, и появится у нее диплом о высшем образовании, как у всех интеллигентных людей. Не для того, чтобы работать на любимой работе, а просто потому, что так положено.

Время летело быстро. Казалось, еще вчера она носила приталенное платье из кримплена. Раиса приложила к себе синее в мелкий цветочек платье и убрала обратно в шкаф. Оно вышло из моды и стало ей мало. «Пусть лежит. Может, Вика когда-нибудь наденет». Черные туфли с узким ремешком. Красивые, но ношенные, хоть и недолго, сзади царапина. Рая взяла у дочери черный фломастер и закрасила царапину. В комиссионке их взяли охотно, приемщик сказал, что продадутся туфли быстро, но деньги обещал выплатить только после реализации.

С Викторией что-то происходило. Она стала замыкаться в себе и просила перевести ее в другую школу.

– Куда я тебя переведу? Поблизости других школ нет.

– А та, что через сквер?

Через сквер была отличная новая школа, она находилась даже ближе той, в которой училась Вика, но их дом был приписан не к ней. А главное, что она называлась гимназией и обучение в ней требовало немалых затрат.

– Там нет мест.

– Ага, нет, – обиженно засопела девочка. – А Маринка и Вовка туда перешли, еще и Краснова после каникул туда перевести собираются.

– Ну, значит, они успели, а теперь мест нет.

Соседняя школа была престижной, в программе числились полезные дополнительные занятия, имелись интересные кружки, проводились экскурсии. Но все – за деньги. Кто мог платить, тот устраивал своих детей в гимназию. Каждый желал для своего ребенка лучшего, поэтому родители не скупились на образование, последнее отдавали, но за гимназию платили. Такое положение царило повсюду. Это были не поборы, а официальная плата: за ремонт, за охрану, в фонд класса... В обычных школах деньги с родителей тоже брали, но не так много. И там можно было нормально выучиться при желании, пусть не так эффективно, как в гимназиях, без углубленного изучения иностранных языков, основ экономики и прочих наук. Самое неприятное, что в обычных школах в основном оставались дети из неблагополучных семей. Полное отсутствие интереса к учебе, сквернословие, дикие нравы дворовой шпаны. И в этой среде – Вика. Раиса Александровна при всем желании не могла бы оплачивать приличную школу. Она сама перешла работать в гимназию – там посудомойке больше платили, и Вике уже не приходилось ее стесняться. Ничего другого для дочери она сделать не могла.

Как ни странно, Вика не связалась с дурной компанией. Со своими одноклассниками она не дружила, но и не враждовала. К шестому классу, когда все благополучные дети перешли в гимназию, Викин класс поделился на две враждующие группировки.

Две девочки – Кира и Рита – два лидера. Вместе они были невозможны. Во время любой совместной внеклассной работы между ними обязательно возникали ссоры. Все, что смогла сделать классная дама, это разделить класс на звенья. Два звена девчонок и оставшиеся три – мальчишечьи. Это как-то спасало ситуацию: игра в волейбол – первое звено против второго, субботник – первое звено собирает листья, второе моет окна и так далее.

У каждой девочки-лидера были особо приближенные друзья. У Риты – Кристина и Вера, у Кире – Лилия и еще с нею. Однажды в рекреации на ровном месте возникла драка. Вера с Лилей лежали на полу и дрались как бы понарошку, с улыбками на лицах. За каждую из них, как на соревнованиях по боксу, болели «трибуны», где самыми активными болельщицами были звеньевые. Было заметно, что драка давно перешла грань «понарошку», но никто девочек не разнял.

Можно переходить из звена в звено, но не состоять ни в каком вообще – нельзя. При смене звена автоматически меняется и круг «друзей». Мальчиков в классе было больше. Они в девчоночьи разборки не вмешивались, но тоже разделились на своих и чужих. Если кто-то из них общался с девочками из первого звена, он становился врагом для звена второго. Все это знали, все с этим мирились. Две девочки сумели заставить вращаться вокруг себя всех, включая мальчишечье большинство и классного руководителя. Несомненно, они были сильными лидерами. Им бы на баррикады...

И ведь обе – не первые красавицы в классе! И даже не вторые. Кира училась на «четыре» и «пять» (на одни пятерки во всей школе не учился никто), имела зычный командный голос, была плотного телосложения. Не толстая, а именно плотная, с широкой костью и тяжелая. Насколько тяжелая, Вика ощутила на себе. Как-то, оставшись после уроков, они с Лилей и Кирой играли – переворачивали друг друга. Располагались друг напротив друга и сцепляли скрещенные руки. Между ними вставал третий участник игры, который при движении рук переворачивался сначала вниз головой, затем вновь оказывался на ногах. Лилия была стройной и перевернулась легко. Вика и подавно. Ее Кира могла перевернуть и в одиночку. А вот с Кирой дело не заладилось. Вика с Лилей перевернули ее вниз головой и не удержали. Звеньевая сползла на пол, но не ушиблась. Она была отходчивой – ругнулась, но зла держать не стала. Учителя ей симпатизировали за хорошее прилежание и за ее положительность. Она была положительнее Риты.

Рита прыгала с «тройки» на «четверку», по мнению учителей, была неглупой девочкой, но с ленцой. Очень обаятельной, но обаяние это, будь она взрослой, назвали бы порочным.

Высокая, стройная, с плоским лицом. То, что лицо плоское, подметила, конечно же, Кира. Риту так и дразнили враги – плосколицая. Кирино телосложение в сочетании с ее простой фамилией, производной от слова «козел», давали множество вариантов для кличек. Ритина фамилия тоже была простой, но происходила от мужского имени и ничего обидного придумать не позволяла.

После девятого класса Рита из школы ушла. Кира, как ни странно, тоже. С уходом лидеров разделение на звенья упразднилось, но разрозненность осталась. Мальчиков в классе стало еще больше, чем девочек, – один к трем, но они по-прежнему оставались в моральном меньшинстве.

Вика умудрилась занять нейтральную позицию – она была не за «наших» и не за «ваших», при этом со всеми поддерживала одинаково ровные приятельские отношения. Если бы учителям было до нее дело, они разглядели бы в Вике дипломатические способности. Не каждый взрослый сумеет на протяжении нескольких лет балансировать между двух огней, а она, девочка с неокрепшей психикой, – смогла. Выжить в непростом подростковом мире ей помог легкий характер и качество, называемое окружающими – «с придурью». Школу Вика окончила на «четверки». На фоне остальных учеников она училась неплохо, хотя и без желания. Вопреки наставлениям матери в институт она не пошла. На дворе давно уже пышным цветом цвел капитализм, а Раиса Александровна продолжала жить прошлым. Она верила, что в высшей школе можно учиться бесплатно. Учатся же некоторые! О том, что ее дочери с весьма посредственными знаниями на бюджетное место не пробиться, она думать не хотела. Зато Вика оказалась куда реалистичнее своей матери. Она объективно оценила свои шансы, решила, что пока в институте ей делать нечего, и беспечно заявила: «Потом поступлю». Ей не терпелось поскорее вырваться во взрослую жизнь, а студенчество казалось продолжением учебы в школе.

Очень скоро Вика поняла, что взрослая жизнь – далеко не сахар, особенно в самом начале, когда у тебя нет собственной ниши и приходится метаться в ее поисках. Оказалось, что в семнадцать лет не так просто найти работу – никто не хочет связываться с несовершеннолетними. Поработав распространителем рекламных объявлений и зазывалой в салоне обуви, Вика утомилась и пришла к мысли, что неплохо бы продолжить образование. Где и какое именно, она пока определиться не могла. Не было у нее с детства мечты вроде: «Хочу стать балериной (врачом, учительницей младших классов...)». Со временем мечта о будущей профессии так и не появилась. Вике было интересно многое, но интерес этот оставался очень поверхностным – вроде бы и то дело ее привлекает, и это, но ненадолго и не настолько, чтобы посвятить ему всю жизнь. Тем не менее следовало куда-нибудь приткнуться, чтобы не терять зря время. Ей стало уже все равно, где учиться, главное, чтобы учеба оказалась не слишком трудной и скучной. Но учебный год уже давно в разгаре, и получалось, что она всюду уже опоздала.

Однажды, поднимаясь по эскалатору, Вика услышала по радио объявление. Низкий женский голос вещал о том, как приятны на ощупь ювелирные изделия и как радуется глаз сияние драгоценных камней. Не обязательно быть состоятельной особой, чтобы каждый день находиться среди драгоценностей, любоваться ими и перебирать их в руках. Все, что требуется, чтобы подарить себе золотую жизнь, – это поступить в ювелирный колледж, объявлявший дополнительный набор.

Вика загорелась. Она представила себя в роли Кощея, который чахнет над золотом. У нее никогда не было ни единого дорогого украшения – ни самых малюсеньких золотых сережек, ни колечка. Они ей вроде были и не очень-то нужны, но обзавестись ими не помешало бы. Пусть драгоценности будут не собственные, но от этого их блеск не тускнеет. Сама судьба звала ее в ювелиры. Ведь она случайно оказалась в метро, в этот день ехать никуда и не собиралась. Не спустилась бы в метро, не услышала бы этого объявления. Как ни крути – судьба!

Сначала Вике в колледже понравилось. Первым делом их группе устроили экскурсию на ювелирную фабрику и в Эрмитаж, где проходила выставка драгоценностей российских импе-

раторов. Студентам объяснили, что их колледж выпускает мастеров широкого профиля, то есть работников конвейера. Чтобы стать ювелиром, специализирующимся на эксклюзивных изделиях, нужно иметь дар божий и приложить немало усилий. Вика как-то сразу сникла – конвейер она не любила. Скоро ей пришлось на себе ощутить, что это такое. На практических занятиях они должны были собирать из звеньев цепочки. Вика опустила пальцы в лоток с мелкими – мельче бисера – позолоченными звеньями. Рассыпчатый металл ускользал, как песок, девушка его собирала и выстраивала из него горки. Это было необычное ощущение – набирать полную ладошку золота. «Вот это как, оказывается, – грести золото руками», – подумала она. Наигравшись с сырьем, она принялась выполнять задание. Первый блин вышел комом. Цепочка получилась неравномерно закрученной и смотрелась коряво. Нечто подобное состряпали и остальные студенты. Мастер указал каждому на его ошибки и попросил переделать. Работа шла медленно, она требовала усидчивости и постоянного напряжения глаз. Не случайно в колледже учились одни девушки. В Викиной группе сначала было трое парней, но двое ушли через неделю – поняли, что эта профессия не для них. Остался один – невозмутимый очкарик с наружностью интеллектуала, которого назначили старостой. Коллектив походил на тот, в котором Вика училась в школе, – такие же грубые девицы, только еще более развязные. «А чего ты ожидала? ПТУ – оно и есть ПТУ, хоть и называется колледжем», – резюмировала мать. Раиса Александровна желала для дочери иного будущего. Знания, конечно, никогда не лишние, пусть и полученные в ПТУ. Но окружение! К сожалению, подавляющее большинство учащихся – далеко не сливки общества. Вика была не такой неженкой, как ее мать, когда надо, она могла и сама сказать крепкое словцо, но и ей претили постоянные потоки грязных речей, которые она слышала во время учебы. Девушки, юные, но уже вульгарные, подражающие героиням скандальных телешоу, будто никогда и не слышали об этикете. Одеваться элегантно – это считалось каменным веком. Чтобы прослыть «прогрессивной девчонкой», требовалось носить яркую, аляповатую одежду нелепых, но модных фасонов, прически предполагались экстравагантные, пирсинг на лице приветствовался.

Скучная практика, неинтересная теория, перекуры и разговоры об одном и том же на переменах – прошло полгода, а Вике казалось, что тянется все тот же бесконечный день. Колледж, метро, трамвай, компьютер, опять метро, трамвай дом, ужин, телевизор. Утром вставать, вечером ложиться. В воскресенье – прогулка, уборка, магазины, продукты, книга. И снова – учеба, компьютер, дом... Никак не вырваться из замкнутого круга. И это – в восемнадцать лет!

Единственной отдушиной были лекции, которые читал Павел Аркадьевич Горинелли. Он был великолепным мастером, о нем ходили легенды. Что-то там случилось, глубоко личное, и он больше не занимался изготовлением ювелирных изделий, а только читал теорию. Но как он читал!

Он входил в класс немного шаркающей, присущей только ему одному походкой. Поднимался на кафедру, откуда оглядывал учеников хитрыми, с прищуром, глазами. Глаза у Павла Аркадьевича были необыкновенные: ясные, пронзающие насквозь. Когда он так пристально на кого-то смотрел, ученики цепенели. В такие моменты Горинелли больше не походил на шаркающего ногами старика – напротив, это был очень сильный и энергичный человек, способный подчинить себе одним лишь взглядом. Горе тому, кто пытался его обмануть, будь то не выучивший урок ученик или коллега-преподаватель. Словно читая чужие мысли, Павел Аркадьевич улавливал малейшую ложь. Об этой его неудобной для окружающих особенности знали все и поэтому даже не пытались ему врать. А если не соврать было невозможно, старались не попадаться ему на глаза. В остальном же, по мнению большинства, Горинелли был милейшим человеком. Руководство и коллеги его ценили за профессионализм, а ученики – за те потрясающие истории, которые он иногда рассказывал на занятиях.

– Павел Аркадьевич! – раздался голос старосты. – Помните, вы нам обещали рассказать о броши леди Гамильтон?

– Да, расскажите! Расскажите, пожалуйста, – поддержали его остальные.

– Хорошо, расскажу, – добродушно улыбнулся Горинелли, согревая учеников теплом своих волшебных черных глаз. Теперь они смотрели ласково, словно присутствующие были его родными детьми.

Эми Лайон, впоследствии ставшая известной как Эмма Гамильтон, родилась в бедной семье кузнеца, проживавшей в английском графстве Чешир. После смерти отца она, четырнадцати лет от роду, уехала в Лондон и работала прислугой. Бог щедро одарил Эмму умом и красотой, кроме этого, девушка обладала особым шармом, который сводил мужчин с ума.

Юная прелестница не считала зазорным пользоваться своими чарами, она умудрилась стать любовницей сразу нескольких знатных мужчин. Работа служанки была не для нее. Эмма не хотела всю жизнь прозябать в нищете, как ее мать, которая тоже когда-то блистала красотой, а потом из-за работы от ее восхитительной внешности не осталось и следа. Эмма понимала, что ее капитал – это молодость и красота, и этим капиталом нужно правильно распорядиться, пока его не обесценило беспощадное время.

Скандальную славу Эмме принесло ее участие в представлениях шотландского шарлатана. В обнаженном виде девушка изображала богиню здоровья. И люди шарлатану верили, так как ее округлые формы, прекрасная кожа, блестящие волосы просто излучали здоровье. Они охотно скупали склянки с «эликсиром молодости и красоты» в надежде обрести такую же прекрасную внешность, как у «богини».

Она называла себя актрисой. Для знатной публики Эмма проводила представления живых картин, изображавших классические произведения искусства, ее рисовали знаменитые художники, даже сам Гете был поклонником ее красоты. Вскоре неординарную куртизанку заметил весьма состоятельный сэр Чарльз Гревиль и пригласил ее к себе в качестве метрессы. Впоследствии Чарльз не раз пожалел о том, что имел глупость представить ее своему дяде, Уильяму Гамильтону. Лорд был немолод, но очень богат и знатен. Он был ослеплен ее красотой и очарованием. Однако происхождение и репутация Эммы были небезупречны. Наплевав на все общественные устои, сэр Гамильтон предложил ей стать его женой, чем вызвал большой скандал в кругах английской аристократии.

Мечта Эммы сбылась – она богата, живет в роскоши, вращается в кругах высшего общества, все мужчины оборачиваются ей вслед и смотрят на нее с восторгом, она – настоящая английская леди, у нее популярность первой красавицы света. Нет только счастья.

Живые картины уже в прошлом – ей больше незачем выступать на публике, зарабатывая на жизнь. Из развлечений остались только светские приемы и случайные адюльтеры, в которые она впутывалась из-за мужского бессилия старого лорда.

Однажды, явившись во всем блеске на очередной светский прием, Эмма увидела его. Статный красавец в форме морского офицера не сводил с нее восхищенных глаз. Между ними вспыхнула страсть, и такая сильная, что им не смогли помешать никакие общественные каноны. Лорду Гамильтону отнюдь не понравилось увлечение его жены адмиралом, но он решил не замечать происходящего. Идя на брак с Эммой, он не рассчитывал на то, что эта яркая красавица превратится в добропорядочную женщину, хранящую верность мужу. Тем не менее сэр Гамильтон все же надеялся, что пройдет какое-то время, и его жена оставит накутившего ей Горацио Нельсона, как оставляла она всех своих любовников. Но любовь между леди Гамильтон и адмиралом Нельсоном оказалась прочной. Они даже стали жить как муж и жена, а родившуюся от любовника дочь Эмма назвала Горацией, в честь отца.

На годовщину их знакомства Нельсон преподнес своей возлюбленной брошь. Он заказал ее у неаполитанского ювелира. Он хотел, чтобы брошь изготовили в виде букета тюльпанов. Для этого Нельсон принес ювелиру несколько небольших бриллиантов и крупные розовые рубины. «Цвет нежной любви», – пояснил он. Джузеппе был ювелиром неопытным, но очень

старательным. Ему во что бы то ни стало требовалось удовлетворить прихоть заказчика, ибо Нельсон тогда уже был знаменит, а хорошо выполнить работу для знаменитого клиента значило стать известным самому. Мастер рассчитывал, что эта брошь приведет к нему в будущем немало знатных заказчиков.

Так и вышло. Изготовив редчайшей красоты изделие, ювелир обеспечил себя клиентурой на всю жизнь. К нему стали обращаться богатые люди. Он набил руку и стал настоящим профессионалом.

– Согласно одной легенде, считалось, что в бутоне настоящего тюльпана спрятано счастье. До этого счастья никто не может добраться, ибо нет на свете такой силы, которая открыла бы бутон. Но однажды по лугу шли женщина и ребенок. Мальчик вырвался из рук матери, со звонким смехом подбежал к цветку, и бутон раскрылся. Беззаботный детский смех совершил то, чего не смогла сделать никакая сила. С тех пор и повелось дарить тюльпаны только тем, кто испытывает счастье. Я надеюсь, что наша встреча сделала тебя счастливой. Поэтому я решил подарить тебе эту брошь. Пусть она приумножит твое счастье, – и с этими словами Горацио развернул платок, на котором лежала рубиновая брошь для Эммы.

1940 г. Львов

- Запомни, ты – Лева Гамильтон. Га-ми-льтон! Повтори.
- Но почему?!
- Не спорь. Повтори!
- Я Лева Гамильтон.
- Молодец. Твой отец – английский матрос.
- Матрос, – кивнул мальчик.
- Английский матрос. Запомни, это очень важно.

Лева Гамильман смотрел на свою измученную страхом и кочевой жизнью мать и не понимал, зачем ему все это внушают.

Гамильтоном его дразнили соседские мальчишки, и Лева считал свое прозвище обидным, а теперь, оказывается, он должен сам так себя называть. И еще – при чем тут английский матрос, который к его происхождению никакого отношения не имеет? Его отец, Моисей Гамильман, был владельцем ломбарда, это Лева знал точно. От мест, где они жили, до ближайшего порта очень далеко – какое море, какие матросы? Но мать настаивала на матросе. Ей было виднее.

Моисей был интеллигентным евреем и жил по своей еврейской совести, никому зла не делал, а что у него деньжата водились, так это благодаря его деловой жилке и практичному уму. В смутные двадцатые годы он сумел сколотить приличное состояние и был весьма уважаемым паном в городе Кракове. Его красавица жена Анета носила модные манто, кожаные сапожки на тонких каблуках, длинные приталенные платья и умопомрачительные шляпки, сшитые у самой лучшей варшавской модистки. Ах, какой же она была элегантной пани! Какими красивыми были ее прически, какими потрясающими наряды, какими дорогими украшения, какой прекрасной была ее жизнь! Рядом с ней шел мальчик, одетый, как королевич, с кудряшками и лучистыми голубыми глазками – не ребенок, а картиночка!

Моисея убили на второй день после взятия немцами Кракова. Солдаты вермахта немедленно приступили к одной из основных своих миссий – уничтожению евреев.

Анета взяла сына и с одним чемоданом двинулась к восточной границе. Шли тысячи человек, тысячи иудеев и поляков, вынужденных покинуть свои дома в надежде обрести пристанище на чужой земле. Страна Советов принимала эмигрантов прохладно, но все же принимала. Беженцев не пугали ни коммунистическая чума, ни железная рука всемогущего НКВД – все лучше, чем господствующий в Европе фашизм.

Анете удалось добраться до Львова. Большой старинный город, с мощенными булыжником мостовыми, раскидистыми платанами, холмистыми извилистыми улицами был тих и печален. Здесь уже побывала война. Она заглянула в город оборванной старухой, коснулась его горем,дохнула на него холодом смерти и разрухи. После передачи части польских территорий Советскому Союзу война отступила на запад, но далеко не ушла – переминаясь с ноги на ногу, она осталась ждать под дверью, и горожане слышали ее шаги. С каждой новой партией прибывающих эмигрантов город наполнялся тревогой. Ежедневно советская пропаганда призывала трудиться и строить коммунизм, по радио людей приободряли новостями о высоких урожаях и урожаях, о новых стройках, о героических экспедициях в арктические льды, и ни слова – о войне. Вопреки всем увещаниям львовичане знали – война будет. Они ее чувствовали звериным чутьем. Ее призрак витал в напряженном воздухе, она читалась в глазах эмигрантов, которые столкнулись с ней у себя на родине.

Люди старались уехать в глубь страны, подальше от границы. Ежедневно с вокзалов уходили переполненные поезда. Люди бежали, оставляя все, лишь бы спастись. Бежать дальше у Анеты не осталось сил. Она очень вымоталась в скитаниях, а во Львове ей удалось найти

неплохое жилье. Хотелось передохнуть, хоть немножко пожить нормальной жизнью. Пусть без модных шляпок и платьев, без изысканных причесок и украшений – бог с ними, была бы крыша над головой, своя постель и какая-нибудь еда. Авось войны и правда не будет, и весь этот кошмар закончится.

Анета поселилась в одной квартире с семьей Кожевских – Ядвигой и ее сыном Яцеком, с которыми и бежала из Кракова. Мужа Ядвиги тоже убили немцы, хоть тот и был поляком. Именно Ядвига и предложила соседке бежать вместе с ней, пока еще не стало слишком поздно. У Кожевских во Львове была родня – весьма уважаемый врач, Бронислав Леховский, его степенная супруга Мария и сын-подросток Сигизмунд. Сначала беженцы собирались разместиться у Леховских, но соседняя квартира оказалась свободной, и они поселились в ней.

Леве было девять лет, Яцеку одиннадцать. Мальчики ссорились, но были вынуждены держаться вместе. Рослый Яцек был умнее и ловчее Левы, он его дразнил, мухлевал в играх и задибался. Несносный, противный Яцек! Это из-за него Леву прозвали Гамильтоном.

Еще до того, как Германия напала на Польшу, когда был жив отец и они жили в Кракове, Анета как-то по-соседски зашла к Кожевским поболтать с Ядвигой и похвастаться подарком, полученным от мужа. Это была брошь с рубинами, выполненная в виде букета тюльпанов. Пять бутонов из светло-красных камней, искусной огранки, с золотыми упругими стеблями и продолговатыми листьями. Бриллиантовая роса на листьях придавала им свежесть и одновременно печаль, будто была не росой, а слезами этих удивительных цветов.

– Какая прелесть! – воскликнула Ядвига. Ее глаза полыхнули завистливым огоньком, а рука сама потянулась к броши, чтобы рассмотреть ее лучше. Муж Ядвиги был не столь богат и не дарил ей таких украшений, все его подарки – это обручальное колечко из серебра и серьги с фианитами на их первое Рождество. А у соседки все время появлялись новые побрякушки, и не к праздникам, а просто так – даром что у ее мужа свой ломбард, ему драгоценности обходились за сущие гроши. И эту брошь он тоже небось за бесценок купил.

– Дорогая, должно быть, вещь, – со вздохом произнесла она.

– Да разве в цене дело?! Она необыкновенная! И история у нее необыкновенная! Украшение это моему Моте принес один итальянец. Старый, похожий на бродягу в своем потрепанном костюме, с длинными спутанными волосами. Я сначала так о нем и подумала, когда он появился на пороге. К Моте часто заходят бедные люди, чтобы заложить вещи. Обычно они ничего ценного не приносят и уходят восвояси ни с чем. Я иногда им денег немного подаю, если вижу, что совсем уж дела у них плохи. Только украдкой, чтобы муж не видел, а то он ругается, говорит, что я так по миру нас пушу. Так вот, смотрю я на этого старика и думаю – сейчас он снимет с себя что-нибудь из одежды и попросит за свои обноски сущие гроши, а Мотя, как он обычно это делает, ласково возьмет его за плечи, проводит к выходу и скажет: «Мил-человек, ничем я не могу тебе помочь, ступай с богом». Но ничего подобного не произошло. Итальянец подошел к прилавку, за которым стоял Мотя, и неспешно достал из кармана эту брошь. Возьми, говорит, для пани и посмотрел на меня своими черными глазами, да так, словно угольями меня обжег. Я увидела, что он вовсе не старик – у стариков не бывает такого сильного взгляда, и не бродяга он. Лицо у него аристократичное, а руки холеные, с длинными пальцами, как у музыканта. Говорил он тихо, но так, что ему хотелось немедленно подчиниться, потому что от него шла невероятная энергия власти. И мой Мотя, который всегда сам диктовал условия, не торгуясь, отдал ему столько злотых, сколько тот попросил.

Напоследок итальянец сказал, что брошь эта принадлежала леди Гамильтон, а теперь ей пора обрести новую хозяйку. «Пани такая же красивая, как леди Гамильтон. Forse la sua fortuna e la sua vita non sara cosm tragic».

– Он сказал, что я похожа на леди Гамильтон, и добавил что-то по-итальянски. Слышишь, Ядвига, я – леди Гамильтон! – рассмеялась Анета, любуясь собой перед зеркалом. Ее роскошные каштановые кудри качнулись, одна прядь упала на лицо. Анета привычным жестом попра-

вила прическу, а заодно уж подкрасила свои пухлые губки и напудрила маленький хорошенький носик.

– Гамильтон, – тихо повторил Яцек. Он играл во дворе и как раз зашел в дом попить воды.

Мальчик мгновенно оценил сияющий вид гостыи и расстроенное мамино лицо. Он не раз слышал, как его родители ссорились. Мать жаловалась, что ей нечего надеть, в то время как у других от обновок ломится шифоньер. Отец возражал, что он и так пашет на фабрике, как проклятый, а вместо благодарности получает одни упреки. После этого он хлопал дверью и уходил в кабак. Мама еще больше злилась, и дом превращался в ад. Из-за этого Яцек не любил соседку и ее сына.

– Добрый день, пани Анета! – буркнул он и убежал по своим делам. С того самого дня мальчишки начали дразнить Леву Гамильтоном.

* * *

Племянник Николая Потемкина, Иван, был страстным поклонником Африканского континента. Все началось с невинной сказки про доктора Айболита, которую ему прочли в детстве. С тех пор он и увлекся Африкой.

В его доме повсюду висели картины с пестрыми африканскими мотивами, которые Николай нашел очень интересными. Кроме картин, интерьер украшали всякие экзотические вещицы – бесполезные, но занятные: бубны, веера, перья, амулеты и прочая этническая утварь.

– Любопытная надпись, – сказал Иван, когда дядя показал ему фотографию ножа, которым был убит Рыжиков.

– Думаешь, это надпись?

– Несомненно. Чтобы ее прочитать, мне нужно заглянуть в справочник. Подождешь?

– Валяй. Я пока чайку соображу.

Пока Николай возился в кухне, Иван углубился в чтение файлов. Это занятие увлекло молодого человека, и он не заметил, как перелопатил все свои справочники в поисках ответа на вопрос. Дядюшка его не торопил. Он успел уже допить вторую чашку чаю, приготовить горячие бутерброды, съесть их и снова заварить чай. После второй партии чая Николай не выдержал, подошел к племяннику и встал «над душой», заглядывая в монитор.

– Ну? Есть что-нибудь?

– Ерунда какая-то получается, – развел руками Иван. – Написано на языке племени волошу, живущего в центральной части материка, в низовьях реки...

– Так ты прочел надпись или нет? – перебил его Николай.

– Прочел. Только она, эээ... неприличная. Здесь написано: «Катя». А дальше слово, у волошу обозначающее падшую женщину.

– Потаскуху, что ли?

– Не совсем. У волошу нет такого понятия, как потаскуха. Есть гораздо хуже, но зато такого выражения нет в русском языке, даже в матерном. Сказывается различие моральных ценностей. Что для нас терпимо, для них – неприемлемо. В общем, эта дама до того падшая, что, если ты прикоснешься к ней, сам станешь таким же – всеми отвергаемым и презираемым.

– Как к опущенному на зоне.

– Возможно. Тебе виднее. Зоны – не моя епархия.

Допив чай, Николай поблагодарил племянника и отправился домой.

– «Катя – последняя б...», – задумчиво произнес Юрасов, выслушав Потемкина. – Спасибо, удружил! Только теперь я ума не приложу, что мне с этой надписью делать и каким боком она касается убийства.

– Может, и не касается вовсе.

– Нет, погоди. А вдруг эта Катя и есть та самая фотомодель?

– Которая всадила в Рыжикова нож? – усмехнулся эксперт. – Только почему ты считаешь что она фотомодель?

– Из-за роста. Рост убийцы не ниже ста восьмидесяти. А что убийца – фотомодель, то мне так думать приятнее. Все же лучше иметь дело с фотомоделью, чем с каким-нибудь уродом. Должно же быть хоть что-то приятное в моей работе?

– Здесь ты прав. Что-нибудь приятное в работе, безусловно, должно иметь место. Кстати, у меня для тебя есть еще кое-что. Кольцо, найденное в кармане убитого, весьма любопытное. Если посмотреть на него сбоку, то на одном из рубинов можно заметить небольшое углубление. И углубление это не простое. Этот дефект был получен путем механического воздействия. Смею предположить, в результате соприкосновения со снарядом стрелкового оружия. Нет, нет, не надо делать таких испуганных глаз! Огнестрел вам расследовать не придется, по той простой причине, что если он и имел место быть, то очень давно.

– Ну, слава богу, хоть в чем-то повезло. Ты хочешь сказать, что кольцо с биографией?

– Не совсем так. Само кольцо изготовлено недавно. А вот рубины – с биографией. Камни вообще имеют свойство жить дольше людей. И еще. На обратной стороне кольца стоит отметка – авторский знак. Некоторые ювелиры таким образом помечают свои работы. Вот, полюбуйся, – Потемкин достал кольцо и поднес к нему лупу. – Видишь?

– Ну, загогулина какая-то.

– Это для тебя загогулина, а в цеховом сообществе ювелиров – это нечто весьма значимое. Если с ними пообщаться, думаю, они расскажут нам массу интересных вещей.

* * *

Катя еще раз перечитала досье своей основной соперницы. Светлана Горшкова, менеджер холдинга «Каравелла».

– Менеджер холдинга, – произнесла она с усмешкой. – Написано так, будто Горшкова – руководитель компании! Ага, аж два раза руководитель! Какими бы близкими ни были их отношения с Ринатом, он никогда не назначит тупую девицу на должность выше секретарской. Ринат – бизнесмен, умеющий делать деньги. Верх глупости держать в руководстве ничего не смыслящую в управлении любовницу. Да она все дело под откос пустит! Нет, Светик, ты не топ, а офис-менеджер, и это – лишь в лучшем случае! Что там дальше? Два иностранных языка! Интересно, каких и где она их успела изучить? В баре, когда официанткой работала, по бутылочным этикеткам?

Дальше все было еще круче.

– Это Горшкова университет окончила?! Ну-ну! Школьную программу не могла осилить, едва в девятом классе отучилась. И то «тройки» ей нарисовали, закрыв глаза. Хотя Ринат не жадный, деньги на диплом мог ей дать. Пожалуй, Светка могла обзавестись высшим образованием, минуя среднее.

Вот так: ты учишься, курсовые пишешь, коллоквиумы сдаешь, а другие получают точно такой же диплом, но даже не знают, где находится институт, который они «окончили». И эти другие потом самозабвенно врут про свое образование, да так, что и сами верят в свою ложь.

Кате было все равно, пусть Светка хоть еще пять дипломов себе купит. Ее возмущала наглость, с которой Горшкова врала, прорываясь к званию «бизнесвумен».

А ведь прорвется! Такие всегда всюду пролезают – благодаря своей наглости и гигантской самоуверенности. У Светки ни образования, ни опыта, ни богатой родни, да и внешности особой тоже нет, а вон как в жизни устроилась: непыльная работа, которая ей нужна только для иллюзорной финансовой независимости, хороший автомобиль, шмотки, курорты, салоны красоты. Если бы она, Катя, имела такой набор данных, она бы больше, чем на работу уличной

торговки, и рассчитывать не посмела бы, ну и на все соответствующие сей «должности» удовольствия, разумеется, тоже. Жила бы с каким-нибудь продавцом мороженого, а не с женатым учредителем холдинга, ездила бы на трамвае и носила бы китайский трикотаж.

Но это – Катя! У нее с детства самокритика – выше некуда. Ей все кажется, что она мало работает, мало чего добивается, мало знает. Два высших образования, три иностранных, два из которых – на уровне «носителя», а ей все равно мало. Это у нее яркие синие глаза и гладкие темно-русые волосы, правильные черты лица и призывно пухлые губы, крупные ровные зубы с небольшой сексуальной щербинкой, которой она всегда стеснялась (но от этого щербинка не переставала быть сексуальной), красивые стройные ноги, изящные руки, тонкая талия. Она одевается элегантно, но не броско. Держит спину прямо, красиво говорит и никогда себя не «подает». Ей это попросту не нужно, да и не умеет она это делать, потому что никогда так себя не вела.

Кате требовалось непременно победить в конкурсе. Не ради тщеславия, конечно же. Победа открывала перед ней большие возможности. Во-первых, это мощная реклама для бизнеса. Во-вторых – и это главное, – в компанию, которую представляет победитель, будут вложены инвестиции. «Каравелла» и так прочно стоит на ногах, а Катиному салону деньги отнюдь не помешают.

Она пролистала конкурсные фотографии Горшковой. Не без досады отметила их великолепное качество – что ни говори, а профессионалы способны сотворить чудо. На фото Света выглядела потрясающе, что, вероятно, и повлияло на число голосов, отданных ей. Роковая женщина в красном атласном платье, откровенный взгляд карих глаз под пушистыми длинными ресницами, яркие губы накрашены в тон красивым ногтям. На другой фотографии – милая домашняя девушка в пастельного цвета футболке, с пушистой кошкой на коленях. Мягкое и пушистое всегда к себе располагает. И как только кошка ее не поцарапала? Светка никогда не любила кошек, и они отвечали ей взаимностью. На следующем фото Горшкова воплощала собой деловую женщину. Строгий костюм разбавляло фривольное кружево блузки, слишком нарядной для офиса. Она сидела за столом и касалась пальчиками клавиш. Взгляд сосредоточенный, на лице – улыбка. Ее словно оторвали от важных дел, чтобы сфотографировать для конкурса.

«Ничего, – подбодрила себя Катя, – нас тоже не на помойке нашли!»

Катины фотографии были не столь качественными, хоть их тоже снимали в студии. На полноценную фотосессию у нее времени не хватило. Конечно, при желании на нее можно было бы выкроить полтора часа, но приоритеты она тогда расставила в пользу работы.

Все-таки решающим моментом станет интервью, а не фотографии и красивые рассказы «о себе», написанные под заказ журналистом-фрилансером. В финале конкурсанткам предстоит экспресс-собеседование. Придется быстро отвечать на вопросы, которые будут задавать из зала. Здесь не помогут никакие заготовленные речи, только сообразительность и обаяние. Это был Катин конек, уж что-что, а быстро реагировать она умела. Вся ее работа заключалась именно в этом. Директор и собственница салона свадебных и вечерних платьев Екатерина Абрамова просто не имела права туго соображать. Ежедневные бесконечные звонки, вопросы, требующие немедленного решения, сложные ситуации, из которых она с блеском выходила, давали ей основание не сомневаться в собственных силах.

И все же она сомневалась. Здравый смысл твердил, что она справится, как справляется со всеми делами, которые были куда сложнее, чем конкурсное выступление, но где-то в подсознании сидели страх и неуверенность. Они не покидали Катю никогда. Она с ними боролась с давних пор, но окончательно победить их так и не смогла.

Она, привлекательная успешная женщина, порою словно заставляла себя играть роль уродливой неудачницы. И, что парадоксально, ей это удавалось. Люди чувствовали в ней неуверенность и воспринимали ее так, как воспринимала она саму себя, – ее явные красота и успеш-

ность непостижимым образом тушевались. Лишь в экстремальных ситуациях, не допускающих слабости и сомнений, Катя поднималась на положенную ей высоту. В таких ситуациях она, владелица и руководитель салона, находилась почти постоянно, и это позволяло ей в глазах окружающих выглядеть сильной.

* * *

– Надоело! – сказала однажды Вика. – Ювелирка – это не мое. Все, забираю документы.
– Чем же ты займешься? – встревожилась мать, в душе соглашаясь с тем, что ювелирка – «не ее». – Как я, в посудомойки пойдешь?

– Ну уж нет! На худой конец стану продавцом. А что? Отбарабанил смену – и два дня свободна, аки птица. И зарплата нормальная.

– Умыкнул что-нибудь покупатели, или хозяин товар не допоставит, а спишут с тебя.

– Ты пессимистка! Каждого продавца подставлять – так это продавцов не хватит, кто же тогда работать будет? Да и не хочу я торговать. Я стану... стюардессой!

Вика это сказала – и сама поразилась. Какая стюардесса?! Что это ее так торкнуло? Никогда ведь даже не думала она о небе, а тут слово прямо под язык подвернулось.

– Стюардесса, – мечтательно произнесла она, оставшись одна в своей комнате. – А что, профессия романтическая и не скучная. Можно попробовать!

Сказано – сделано. Вика была не из тех, кто мечтает пассивно. Она тут же принялась листать справочники для абитуриентов и нашла нужную информацию. Стюардесс выпускал лицей гражданской авиации. Два года обучения после одиннадцатого класса – и вперед, то есть вверх, в небо. Вику это вполне устроило. Летом она забрала документы из колледжа и отнесла их в лицей. Поступить было не сложно – чтобы завалить вступительный экзамен в лицей, надо быть совсем уж душой, а Вика была душой лишь чуть-чуть.

– Мама, я поступила, – объявила она, вернувшись из лицея после объявления итогов экзаменов.

Летная карьера у Вики начиналась совсем не так, как она себе это представляла. Вика, как и все выпускницы лицея, мечтала работать на международных рейсах, но туда попасть было непросто. В первую очередь требовались хорошие знания иностранного языка, и лучше – не одного. Вика, движимая желанием стать стюардессой-международницей, подтянула свой не очень хорошо усвоенный в школе английский. Но таких, как она, желающих летать за рубеж, было пруд пруди. Ей досталась другая заграница – место в экипаже борта Санкт-Петербург – Ереван. По словам людей сведущих, Вике повезло – другие летают на «Анах» где-нибудь между Курганом и Нижним Тагилом или вообще не могут трудоустроиться по специальности.

На борту царил почти военная обстановка. Главным – богом, царем и отцом родным – для экипажа был командир воздушного судна. С командиром им повезло – Георгий Ашотович оказался величайшей души человеком. На непосредственную начальницу, бригадира бортпроводников Наташу, Вике тоже было грех жаловаться. Наташа обладала покладистым характером, но нервная работа давала о себе знать – она могла обматерить похлеще армейского сержанта. Поначалу Вику ставили на самую неинтеллектуальную работу: приносить-уносить воду и пледы, ну и, конечно, она всегда была на подхвате. Опаздывать на работу – такое ни в коем случае недопустимо, поэтому Вика выходила из дома заблаговременно и порой не успевала толком ни причесаться, ни накраситься. «Приведу себя в порядок в аэропорту», – думала она, беря с собой набитую до отказа косметичку. Но, к ее удивлению, во сколько бы она ни явилась в аэропорт, сразу начиналась беготня, прямо-таки ни минуты покоя. Однажды ее вызвали по громкой связи, когда она стояла в туалете перед зеркалом и наносила макияж. Один глаз она уже накрасила. Стирать все – жалко, а быстренько накрасить второй не получилось. Селектор

нетерпеливо повторил вызов. Чтобы не испытывать на прочность нервы начальства, пришлось ей сунуть в косметичку кисточки и бежать, куда требовалось. Забегалась, закрутилась то с багажом, то с бортовым питанием – так и вошла в самолет, совершенно забыв завершить макияж.

Рейс с самого начала пошел наперекосяк. Сама была виновата – следовало бы одежду подготовить заранее, а не зашивать колготки утром. Если бы кто-нибудь из экипажа узнал про то, что она шила перед вылетом, ей оторвали бы руки. В летной профессии существовали свои неписанные правила, которые следовало выполнять. Например, перед и во время полета нельзя было шить – иначе в рейсе зашьешься.

Перед вылетом начальству позвонил бортпроводник Ваня и сказал, что у него пищевое отравление. У Тамары заболела дочь, а бабушка уехала на дачу, и оставить ребенка оказалось не с кем. Замену им найти не смогли, и по согласованию с руководством самолет отправился в рейс с неполным составом бортпроводников.

Вику поставили на кухню, ответственной по тарелочкам, стюардессы Наташа и Лена хлопотали в салоне. Вика уже выложила на тележки контейнеры с горячим, приготовила стаканчики, салфетки... Самолет мотнуло. Она вцепилась в поручень, в ужасе глядя, как с тележек во все стороны разлетается еда. Курица, говядина, рис, макароны – все оказалось на полу. На рейс порции выдавались по количеству пассажиров, плюс члены экипажа – лишних не было. Если пассажиров не покормить, разразится грандиозный скандал, за который могут и уволить.

Пока Вика соображала, что делать, на кухне появилась Наташа.

– Какого хрена, твою мать! – заорала она диким голосом, поскользнувшись на курице.

– Я сейчас приберусь, – умоляюще взглянула на нее Вика, хватаясь за веник.

– Отставить! Мало того, что на полу все изваляла, так еще с веника пыли добавишь! Руками собирай! Собирай и по контейнерам раскладывай. Что смотришь?! Чем ты пассажиров будешь?

Вика опустила на корточки и полчаса ползала, отделяя курицу от говядины и рис от макарон. Совсем уж замусоренную еду подсунуть пассажирам ей совесть не позволила. Она урезала уцелевшие порции, чтобы наполнить испорченные контейнеры. Свой обед она отдала в пользу пассажиров. Потом ей рассказали, что еда с пола – частое явление: самолет есть самолет, и трясет его в самые неподходящие моменты. Все равно Вика чувствовала себя неловко. Она старалась отдать плохие порции молодым мужчинам, рассудив, что их организмы крепче, чем у кого-либо другого. Мужчины брали еду, ни о чем не подозревая, одаривая ее улыбками. С такими же улыбками они возвращали грязную посуду. Вообще в этом рейсе пассажиры попались на редкость улыбчивыми – Вике улыбались все. Шире всех улыбался высокий шатен. Вика обратила на него внимание еще на посадке: ладный, плечистый, с благородной лепки скулами и глубоко посаженными глазами – не парень, а мечта! И теперь у этой мечты по ее вине может случиться завороток кишок. Сгорая от стыда, после кормежки Вика околачивалась то в хвосте, то около пилотской кабины.

Наконец объявили посадку, неудачный рейс подошел к завершению. Вика, согласно инструкции, уселась на свое откидное кресло и пристегнула ремень. Самолет шел уже над взлетной полосой, когда из-за шторки появился тот самый шатен. Видимо, он посчитал, что просьба «пристегните ремни» его не касается, и направился в туалет. Следуя той же инструкции, Вика подскочила со своего кресла, усадила в него нерадивого пассажира, затем плюхнулась к нему на колени и пристегнула ремень. Если инструкции придерживаться точно, она должна была усадить парня к себе на колени, но, здраво рассудив, что в таком случае она рискует отдавить себе ноги, решила от инструкции слегка отойти. Молодой человек, судя по ошарашенному выражению его лица, свода летных правил не читал.

– Феликс, – представился он, расценив поступок стюардессы с эпатажным макияжем, как приглашение к знакомству.

– Виктория.

– Я в Ереван на три дня. В пятницу полечу обратно. Предлагаю встретиться на выходных. Вы не против?

Вика была против. Она считала дурным тоном заводить знакомства с пассажирами. Это все-таки ее работа, и неэтично, будучи на службе, заниматься устройством личной жизни. Но она чувствовала свою вину перед ним, а еще у него были такие выразительные глаза, что ради них можно было послать к чертовой бабушке принципы.

Вернувшись из очередного рейса, Вика, как обычно, первым делом залезла под душ. Она смывала с себя «небесную пыль» и отогревалась от холода автобуса, неторопливо курсировавшего между аэропортом и станцией метро. Пока он добрался по плохо очищенной от снега дороге, Вика, беспечно одетая в легкие вещицы, успела основательно продрогнуть. Она щедро намылилась ароматным гелем и, стоя под горячей водой, грызла яблоко. Вика любила яблоки и любила принимать душ, и ей ничто не мешало совместить оба эти удовольствия.

Телефонный звонок застал ее, когда она доедала второе яблоко. Мама была на работе, снять трубку некому. «Перезвонят», – решила она. Звонок повторился спустя десять минут.

Вика уже вылезла из душа, обмоталась полотенцем и, гонимая любопытством, поспешила к телефону. Ноги вытереть она не успела, а мочить тапки было жалко, и она вышла в коридор босиком, оставляя за собой дорожку мокрых следов. Вика схватила трубку и тут же свалилась, больно ударившись коленом.

В трубке молчали – услышав матюги, звонивший, похоже, забыл, что он хотел сказать.

– Простите, я, наверное, не туда попал, – извинился приятный мужской голос.

– А куда вы звоните?

– В квартиру. Вике.

– Это я, – призналась она.

Феликс пригласил ее в кино на какую-то комедию. Потом он сказал, что собирался пойти с ней в театр, но, услышав, как она матерится, передумал и выбрал вариант попроще.

– Ты так ругалась, я даже не ожидал!

– Мне очень стыдно. Это я от Наташи на работе научилась. Если бы мама от меня что-нибудь подобное услышала, замучила бы нравоучениями. Она мне не то что матом ругаться, слова грубые употреблять запрещает. Я при ней однажды произнесла слово «фигня», так она мне: «Виктория, ты разговариваешь, как уличная торговка!» Целую неделю потом читала мне мораль о культурной речи.

– Правильная у тебя мама, одобряю, – улыбнулся Феликс.

Ему нравилась бесхитростная прямота Вики, ее легкий, слегка взбалмошный характер и особенно – притягательная внешность. Было в ее красивом лице нечто дерзкое, наводящее на мысли о роковых страстях. «Ей бы на большой экран, играть княгиню Тимиреву», – думал он, любуясь Викой.

Феликс красиво ухаживал, на каждое свидание приносил букеты цветов. Он приходил на встречи заранее, потому что не мог дожидаться заветного часа. Вика смотрела в глубокие глаза Феликса и читала в них нечто гораздо большее, чем он произносил вслух. От этого ей делалось очень тепло на душе, словно на улице стоял не промозглый март с его серым городским снегом, а гулял буйными красками лета июль.

Потом он признался ей в любви – очень трогательно и робко, как мальчишка. Это были искренние слова, за которыми стояли настоящие чувства.

К лету влюбленные переехали на съемную квартиру и зажили в своем гнездышке. Они мурлыкали друг с другом, устроившись на старом диванчике, и в этом мире им больше никто не был нужен. Когда Вика уходила в рейсы, он очень скучал и к ее возвращению готовил для нее что-нибудь вкусненькое. По выходным, пока любимая еще спала, он тихонько выходил в магазин за свежими пирожными. Вика тоже с нетерпением дожидалась его после работы или

университета. К его приходу у нее всегда дымилась на плите еда – она ее по несколько раз подогревала, если Феликс задерживался, чтобы к тому моменту, когда он перешагнет порог, подать на стол. Он называл ее Зайкой, а она его Котиком, он писал ей стихи и трогательные, любовные записки, дарил подарки неожиданные и цветы – просто так. Это была идеальная нежная любовь, обещающая жить вечно.

Феликс сделал ей предложение без традиционных роз и кольца, но это не имело никакого значения, потому что Вика его безумно любила.

Вика мечтала о красивой свадьбе с нарядным платьем, банкетом и лимузином. Если без лимузина и банкета она еще обошлась бы, то без свадебного платья – ни в коем случае! Она заранее стала искать себе наряд и, как полагается, делала это без жениха. Феликс должен был увидеть платье именно на ней, а не на вешалке, и не раньше торжественного дня. Во-первых, потому, что это плохая примета, а, во-вторых, ей хотелось его поразить, представ пред ним во всей красе, с прической и макияжем.

Вика сделала для себя неутешительное открытие: оказывается, свадебные платья в большинстве своем шьются из тюлевых занавесок. Красивые платья – из красивых занавесок. Она уже вторую неделю ходила по магазинам, но никак не могла выбрать подходящее для собственной свадьбы платье. Ей, конечно же, хотелось найти нечто восхитительное, чтобы стать самой ослепительной невестой, чтобы быть для Феликса еще желаннее, и чтобы он навсегда запомнил, какой прекрасной она была в день свадьбы.

Издаലെка все платья выглядели потрясающе, но стоило к ним приблизиться, как вся их красота пропадала. Грубо сшитые из самых дешевых тканей, наряды невест смотрелись отвратительно. На ощупь они были еще хуже – стеклянные, как называла вещи из подобных тканей мама. Имелись в продаже, конечно, и платья из качественных материалов, но они продавались в элитных салонах и стоили слишком дорого. Вика уже смирилась с мыслью, что ей придется выходить замуж в тюлевой занавеске, и она пыталась найти занавеску попривлекательнее. В салон «Аврора» Вика зашла случайно. По стильно оформленной витрине она решила, что здешние платья ей не по карману. У входа ее встретила приветливая продавец-консультант. Она поинтересовалась, какое платье хотела бы Вика. Вика описала ей свою мечту: в испанском стиле, приталенное, цвета шампанского, с непышной юбкой в пол, украшенное розами. Она ничуть не сомневалась, что такого платья просто нет на свете, а если и бывает, то за бешеные деньги. Девушка записала ее пожелание и куда-то ушла, предложив Вике пока посмотреть каталоги.

Оказалось, что ничего невозможного нет и кажущееся недостижимым получить куда проще, чем предполагалось. Такого платья в наличии не имелось, но его можно было заказать. «Есть такой вариант», – сказала продавец, показывая рисунок. Вика ахнула: это было то, почти то, что она хотела, только еще лучше! И стоимость его оказалась вполне божеской.

– Только, скорее всего, его придется укорачивать, так как все платья шьются с максимально длинными подолами. Подгонка по фигуре у нас бесплатная, – заверила ее продавец. – Вам нравится?

Конечно же, нравится! Это была любовь с первого взгляда: облегающий крой, подчеркивающий тонкий стан, оригинальная драпировка лифа, украшенного пепельными розами, летящая юбка, как она и хотела, до пят. Вика себя так и представила – с распущенными волосами, куда вплетены алые розы, и в руках – алый букет.

1941 г. Львов

Постепенно Анета оттаяла душой и почти совсем успокоилась. Она умела шить, и ее взяли на швейную фабрику. Работа была тяжелой, монотонной – приходилось стачивать детали одежды. Она не всегда знала, что именно шьет – брюки ли, пальто, детали поступали к ней бесконечным потоком, и она все строчила, строчила, строчила... Под конец дня у нее болела спина и слезились от напряжения глаза. Как ни странно, эта монотонность пошла ей на пользу. Анета, сидя за работой, словно проваливалась в нирвану и оказывалась где-то в потустороннем мире. Тревога и черные мысли, мучившие, точившие ее изнутри, утекали из ее сознания, оставляя вместо себя пустоту. Сил оставалось лишь на то, чтобы добраться до дома, приготовить ужин и уснуть глубоким сном. После двух лет такой жизни в ее душе все перевернулось и встало на свои места, но уже в другом порядке. Тряпки, моды, променады – все, что с такой естественностью составляло ее жизнь, теперь казалось ей чем-то призрачным, недоступным, чужим и поэтому безразличным. Анету больше не волновало отсутствие новых туфель и платьев – есть во что одеться, и ладно. Главное, имеется свой угол, и сын здоров и накормлен. Появилось счастье, которое она раньше не ценила и даже не замечала, – это когда ты ложишься в постель, вытягиваешь уставшее за день тело и ощущаешь настоящее, безусловное удовольствие от жизни. Оно длится недолго, всего несколько минут, пока ты не уснешь, потому что потом сразу нужно открывать глаза и идти на работу. Но эти драгоценные минуты принадлежали только ей.

И вот однажды в эту худо-бедно отлаженную жизнь вновь ворвалась война. В полдень весь город замер, слушая из радиоточки голос Молотова:

«Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас...»

Житомир, Киев – это же так близко, совсем рядом! На вокзале творилось нечто немыслимое. Люди, обвешанные чемоданами и баулами, в панике толкались на перроне. Кассы не работали, билетов не было, поезда никуда не шли. Да и куда ехать? Война была повсюду.

Уже через неделю немцы вошли во Львов. Вошли по-хозяйски и обосновались надолго. Они выбрали лучшие дома, бесцеремонно выставив на улицу хозяев. Сразу же выпустили директиву, согласно которой населению следовало жить по закону германского государства. Покидать город – нельзя, за нарушение – казнь.

Особый ужас испытывали евреи, а их во Львове насчитывалось около трехсот тысяч. Вдохновленные идеями своего вождя, гитлеровцы намеревались истребить иудейский народ. Славяне в фашистской иерархии занимали более привилегированное положение, так как от славян не исходила непосредственная угроза арийской расе, и они должны были стать рабами. Евреям запрещалось ездить в трамваях, заходить в районы проживания немцев, дабы не осквернять улицы своим духом; покупать продукты они могли только в определенных магазинах. Жить по соседству с евреями было небезопасно. Анета была полукровкой, но ее красноречивая фамилия и характерная, хоть и красивая форма глаз вызывали у ее соседки беспокойство. Ядвига несколько раз пожалела, что вообще с ней связалась. Они с Яцеком из-за нее подвергались серьезной угрозе. Ядвига помышляла о том, как бы отселить подругу в другое место.

Июль, жара, а Яцек подхватил простуду. Под вечер у него поднялась температура. Было уже поздно, и Ядвига не решалась побеспокоить доктора Леховского. Они с Анетой лечили мальчика народными средствами, но они не помогали – жар не отступал. Отчаявшись, Ядвига

отправилась к Леховским. Ей открыла Мария. Бронислав уже лег, так что ей пришлось подождать в гостиной, пока он соберется.

Анета слышала гортанные крики во дворе, затем топот на лестничном марше. Она замерла на месте, сердце ее заколотилось от дурного предчувствия. Открылась дверь этажом выше, в квартиру доктора вошли непрошенные гости. Уже через пять минут их вывели на улицу. Всех: Марию, Бронислава, их сына Сигизмунда и Ядвигу. Без вещей, даже одеться им не позволили – Сигизмунд как был в пижаме, так и вышел. Весь дом затих, словно вымер. Кроме них, в доме жили еще несколько семей, но больше никого не тронули – немцы заранее знали, куда шли.

– Езус Марья! – прошептала Анета, перекрестившись. Она подошла к спящим детям и по очереди перекрестила их.

Фашисты первым делом приступили к ликвидации элиты города – ученых, врачей, деятелей искусства, культуры, политики. В начале июля арестовали профессоров Львовского университета, без всякого суда и следствия вывезли в лес и расстреляли. Требовалось лишить город представителей интеллигенции, чтобы легче было управлять народом, убрать лидеров, способных организовать сопротивление. Приходили ночью и забирали – вместе с членами семьи и теми, кто в тот момент находился в их квартире. Кого-то убивали на месте, кого-то – в тюремном дворике. Леховских вместе с другими арестованными вывезли за город, на Вулецкие холмы. После расправы над своими жертвами солдаты вермахта сровняли место казни с землей и даже высадили там траву, чтобы скрыть следы преступления.

Немцы всячески старались разжечь в людях неприязнь к евреям. И это им часто удавалось. Жизнь евреев становилась невыносимой. Гитлеровцы постоянно сортировали евреев: трудоспособным мужчинам и женщинам выдавали рабочие книжки, остальные не имели права на жизнь. Иждивенцы не показывались на улицах, прятались в квартирах, на чердаках и в подвалах. Иметь работу было великим благом. Любую – тяжелую, бессмысленную, отупляющую. Хоть за голодный паек, лишь бы считаться полезным для Германии. Еврейское население получало лишь десятую долю дневного пайка, в то время как украинцы и поляки могли рассчитывать на половину.

Яцеку к тому времени исполнилось двенадцать лет, и он уже многое понимал. Он знал, что он – поляк, и тем самым имеет преимущество перед Анетой и ее сыном, знал, что проживание с ними подвергает его опасности, – это ему внушила мать, когда еще была жива. Но в то же время он понимал, что, не будь Анеты, он не выживет. Она кормила его из своего скудного пайка, в ущерб себе и Лева. Лева тоже уже многое понимал. Самое страшное, что он успел понять, это то, что он – еврей, и что евреям быть плохо. Они с матерью шли с рынка по Армянской улице, когда слышали чей-то голос: «Облава!» Мать прижала его к себе, затем потащила в сторону лавки. «Прячься!» – указала она ему на какую-то бочку. Сама тоже кинулась в укрытие. Сквозь щель в бочке Лева видел, как избивали черноволосых людей, слышал их истошные крики и возгласы в толпе: «Бей жидов!» Потом, когда все стихло и они с матерью пробирались домой, Лева шагал по улице, стараясь не наступить на бордовые лужицы крови. Он смотрел себе под ноги, и ему было страшно от вида кровавого месива, но, когда поднял глаза, его передернуло – в стороне лежали тела тех самых черноволосых людей.

Лева был светлоглазым, с крупными чертами лица и совсем не походил на еврея. Он уродился в свою польскую бабушку, так что вполне мог сойти за поляка, назвавшись каким-нибудь польским именем. Но люди... Люди знали, что он – сын Анеты, и могли его выдать. За ложь немцы убивали сразу, и часто – нескольких человек, оказавшихся рядом. Дети прозвали его Гамильтоном, и Анета решила этим воспользоваться. Прозвище – это все равно что второе имя, а немцы сочтут за фамилию, совсем даже не еврейскую, и, даст бог, может, оставят его в живых. Она внушала Лева, что он никакой не еврей. Он должен был представляться Гамиль-

тоном, и никак иначе. И чтобы он сам при этом поверил в свое английское происхождение, чтобы не боялся и не жил с клеймом, чтобы у него появился шанс выжить.

– Ты – Гамильтон! Слышишь! Твой отец, Моисей, вовсе тебе не отец, – отчаянно врала Анета и сама начинала себе верить. Пусть это свинство по отношению к покойному мужу, пусть для ребенка это шок и чудовищная ложь, но эта ложь – во спасение. – И ты, Яцек, запомни! У Левы был не настоящий папа.

– Байстриук, – прокомментировал Яцек и получил затрещину.

– Прости, пожалуйста, прости, – принялась извиняться Анета. Она прижала мальчика к себе. – Не знаю, как это получилось. Ты мне как родной!

Яцек не обиделся – он схлопотал за дело, мать его еще и не так дубасила. Анета и так с ним слишком церемонится, больше, чем слевой.

Поздней осенью вышел приказ, согласно которому все евреи должны были переселиться в гетто. Гетто представляло собою несколько неотапливаемых бараков, огороженных деревянным забором, рядом с ними дежурили постовые. В маленьких комнатухах теснились по десять человек, спали на полу, жили без уборных и умывальников. Страшная антисанитария, болезни, издевательства – в такой чудовищной обстановке люди долго не протягивали. Гетто располагалось в северной части города, за железнодорожным мостом, прозванным в народе «мостом смерти». Под ним стояли солдаты и всматривались в людской поток, направлявшийся с нищенским скарбом к своему новому месту жительства – в гетто. Они отсеивали женщин, детей, стариков, больных и отводили в сторону. Несчастным велели оставить за ненадобностью свои вещи и раздеться до белья, чтобы затруднить попытку к бегству. Их, как бревна, забрасывали в кузов машины и увозили в Белжец. Там сначала они рыли ямы, а затем становились на их края – под веер пуль.

Анета тоже должна была переселиться в гетто, но оттягивала это событие до последнего. Она понимала, что если и преодолее «мост смерти», то в гетто она долго не проживет, а оставленные дети без нее погибнут. Немцы дали временное послабление, в результате которого отсрочили полное переселение евреев в гетто. Люди вздохнули свободнее, углядев в «великодушном» жесте оккупантов призрачную надежду на спасение.

Анета, как и все евреи, носила на одежде нашивку со звездой Давида. Она старалась ходить по улицам осторожно, с фабрики сразу шла домой. Несмотря на постоянные облавы и погромы, еврейское население было настроено оптимистично. Люди верили, что каждый погром – последний, потому что им казалось – уже все, что могло случиться ужасного, случилось, дальше хуже не будет, ибо дальше просто некуда. В качестве контрибуции приносили оставшиеся ценности, в надежде на снисхождение. Анета отдала все украшения, которые у нее были, оставила лишь брошь с тюльпанами – на черный день, чтобы обменять ее на продукты, когда станет совсем плохо. Она спрятала ее в доме под половицей и сказала об этом сыну. Анета смотрела на жизнь трезво. Если в Европе немцы иногда оставляли евреев в живых, то на территории СССР они намеревались уничтожить их полностью, так как считали их опасными вдвойне – из-за зараженности большевизмом. Освобождения ждать не приходилось, линия фронта отодвинулась далеко на восток. Она не сомневалась, что во Львове ей выжить удастся едва ли. Даже на оккупированных территориях сельским жителям было немного легче. Там хотя бы имелись какие-никакие продукты.

Анета работала по двенадцать часов в день на швейной фабрике. Ей еще крупно повезло – другие перетаскивали кирпичи и батареи, или, что и того хуже, стоя по пояс в воде, рыли землю. Она такого не выдержала бы. Когда-то пухлые щеки Анеты опали, обозначились резкие скулы, руки огрубели, и, глядя на них, можно было смело сказать, что ей не меньше пятидесяти лет. Трудно стало узнать в Анете прежнюю изнеженную пани, которая никогда раньше толком не работала. Но в душе ее оказался стальной стержень, не позволявший женщине сломаться. Если бы не дети, Анета давно бы сдалась.

Весной гитлеровцы устроили очередной тотальный переучет рабочей силы. Оставляли в живых только трудоспособных. Анета получила новую повязку с порядковым номером и заглавной буквой «А». Судя по номеру, население во Львове сильно сократилось. Повязка как-то спасала от облав, но ничего не гарантировала. Фашисты могли в любой момент схватить человека прямо на улице и отправить его в тюрьму или внезапно явиться в дом.

– Может так случиться, что однажды я не вернусь с работы. В городе без меня вы пропадете. Уходить вам придется, только днем через заградительный патруль не просочиться – пристрелят. Да и ночью тоже, – сказала она и беззвучно заплакала.

– Мама, мамочка, не плачь! Ты вернешься, ты всегда будешь возвращаться. Скажи, что ты вернешься?

– Яцек, – наконец, произнесла она, подняв голову. – Тебе уже скоро тринадцать. Ты совсем взрослый. Взрослый и умный мальчик! Ты сумеешь выбраться из города и поможешь Лева.

– Но, мам! Я тоже взрослый, – возразил Лева.

– И ты взрослый, но Яцек старше, поэтому ты должен его слушаться. В деревню бегите, там, даст бог, добрые люди помогут.

После этого разговора дети провожали Анету на работу так, словно каждый день видели ее в последний раз. Это продолжалось до августа. Десятого числа началась масштабная акция. Едва рассвело, как фашисты принялись прочесывать еврейские кварталы, ходили по квартирам, забирали людей.

Услышав приближавшийся топот множества ног, Анета проснулась, мгновенно встала, подняла детей и бросилась в подвал. Замерев, они сидели под лестницей – Анета, прикрытая картоном с краю, дети в углу. Немцы работали добросовестно. Обойдя дом, они спустились в подвал. Пыльные солдатские сапоги стояли совсем близко от их укрытия. Потоптавшись туда-сюда, они двинулись к выходу. «Езус-Марья!» – мысленно обратилась Анета к Богу и Богоматери, но они ее не услышали. Немец вернулся и выпустил по картонной заслонке контрольную очередь из автомата.

Анета умерла моментально, не издав ни звука. Прежде чем раздался дикий вопль Левы, Яцек успел зажать ему ладонью рот. Леву не задело, он испугался, когда на него повалилось обмякшее тело матери.

Акция продолжалась еще несколько дней. Гетто, ставшее лагерем смерти, постоянно пополнялось новыми обитателями. Туда отправляли только тех, кто мог работать. Остальных вывозили в Белжец и расстреливали. Город постепенно вымирал. По улицам ходили только немцы и завербованные ими полицаи из местных противников советской власти. Они шагали беззаботно, не опасаясь нападения. Безоружные жители не смели выступить против оккупантов.

Яцек и Лева большую часть времени проводили в подвале. Анету они оттащили наверх, в опустевшую после погрома квартиру. У Левы текли слезы, он, воспитанный в набожной католической семье, не смел оставить тело матери непогребенным. Он вообще боялся к нему прикоснуться.

– Так надо. Иначе она протухнет прямо здесь, в подвале, а подвал нам еще пригодится, – рассудил Яцек, и Лева ему подчинился и даже как-то успокоился от его хладнокровного голоса.

Погода стояла теплая, только ночью на город опускалась прохлада. Из подвала был второй выход – забитое досками узкое окно. Настолько узкое, что через него мог протиснуться только ребенок. Они отковыряли доски и попробовали пролезть. Субтильный Лева проскользнул легко. Плечистому Яцеку это упражнение далось сложнее, но он все же пролез.

– Порядок. Теперь у нас есть тайный лаз во двор, – с гордостью сообщил он. – Нужно поживее выметаться из города.

– Поесть бы, – мечтательно произнес Лева. Запасы еды закончились еще прошлым вечером. Они разделили последнюю горбушку хлеба, найденную в одной из квартир.

– Да, по голодухе далеко не уйдешь. Вот что! Мы в другой дом пойдем. Теперь там уже никто не живет. Авось что-нибудь из съестного сыщем. Или вещи какие-нибудь найдем, чтобы обменять на продукты.

«Другой дом» находился в неудобном месте. Чтобы туда попасть, нужно было пройти по открытому участку, который просматривался патрулем.

– Выйдем перед рассветом. Фрицы тоже не железные, под утро умаются шнырять по улицам.

– А может, мы сначала в дом напротив сходим? – робко предложил Лева. Он видел из окна, как патруль расправлялся с прохожим, не вовремя появившимся у них на пути. Несчастного забили прикладами автомата, а затем застрелили.

– Нет, – коротко произнес Яцек. Дом напротив опустошили еще до августовской акции. Если в нем что-нибудь ценное и осталось, то все давно уже подобрали такие же голодающие, как они сами. – Нет там ничего, – пояснил он, хоть и не считал нужным объясняться. Яцек чувствовал себя командиром, а командир не обязан объяснять подчиненным свои приказы.

Чем ближе к вечеру, тем тревожнее становилось на душе у Левы. Ну зачем им идти именно в тот дом, ведь по дороге к нему можно напороться на немцев? С чего это Яцек взял, что в домах, расположенных на их глухой улочке, ничего нет? Как пить дать, он все это нарочно придумал, чтобы его запугать.

– Не сикай, – поддел его Яцек, – прорвемся.

– Я не сикаю, – обиделся Лева, хоть очень боялся. Перед его глазами стояли забитые насмерть люди с Армянской улицы. – А может, лучше пойдем к деду Иржику, еды какой-нибудь выменяем?

Иржик жил в соседнем переулке и мог раздобыть продукты. Почему-то немцы его не трогали. Несмотря на его относительно молодой возраст, за раннюю седину все называли его дедом. К нему иногда ходила Анета, обменивать вещи на еду.

– Ха! Самый умный выискался! Что ты ему предложишь – свою рваную рубаху с вонючими штанами? – гоготнул Яцек и отвесил Лева подзатыльник.

– Вот, – Лева вынул из кармана брошь с рубинами. Он теперь всегда носил ее с собой. – Мамка велела беречь на черный день.

Яцек взял брошь, повертел в руке и сунул во внутренний карман своей кофты.

– Это еще не черный день, – философски заметил он.

Яцек тоже кое-что успел повидать. На его глазах из дома напротив вытащили за волосы женщин, там же, во дворе, расстреляли троих детей. Но в отличие от Левы Яцек не боялся. Напротив, в нем проснулся азарт. Азарт в игре со смертью.

– Подъем!

– Я – Лева Гамильтон! Я сын английского моряка! – испуганно завопил Лева, продирая глаза.

– Да тише ты! Разорался, как дурень, – цыкнул Яцек. – Пора на берег, моряк.

Августовская ночь пленяла своей свежестью и легким цветочным ароматом. Раскидистые платаны умиротворенно покачивали пышными кронами, с неба смотрели яркие звезды какого-то созвездия, как когда-то давно, когда они жили в Кракове. И Лева очень захотелось, чтобы все вернулось и стало, как раньше, когда войны еще не было.

– Ложись, – скомандовал Яцек, и Лева плюхнулся на землю, вмиг забыв о звездах. – Кажись, пронесло. Идем. Только живо!

Лева не очень-то задумывался, куда он идет, для рассуждений у него был толковый командир.

Отбрасывая на землю две взъерошенные тени, они проскользнули через опасный участок и нырнули в подворотню. В подъезде было темно, как в могиле. Пробираться пришлось на ощупь. Впереди осторожно ступал Яцек, Лева крался за ним. Командир замер на месте, прислушиваясь, как дикий кот. Затем уверенно зашагал вверх. Большинство квартир стояли не запертыми – жильцов забирали, не давая им даже одеться, не то чтобы позволить им позаботиться о своем имуществе.

Юные мародеры проникли в разоренную квартиру, пропитанную запахом помойки. Натыкаясь на всяческий мусор, они шарили по углам, но ничего подходящего не нашли.

– Надо подождать до утра, – выдал решение Яцек.

Лева не возражал. Назад ему идти не хотелось, и он с удовольствием подыскал, как ему показалось, уютный уголок и лег прикорнуть.

Проснулся он от странного ощущения, что рядом с ним кто-то тяжело дышит. Яцек так никогда не шумел, его дыхание было легким и беззвучным, а это было с хрипом, напоминавшим скрип несмазанной двери. Лева открыл глаза – Яцека рядом не было, зато почти вплотную к нему в запекшихся кровавых подтеках лежало человеческое тело.

– Воды!.. Поддай воды, хлопчик, – прошептали обветренные губы.

Придя в себя после легкого шока, Лева бросился искать воду и наткнулся в коридоре на Яцека. Пока Лева спал, он прошелся по квартирам и кое-что раздобыл.

– Что ты мечешься, как дурень?!

– Там!

– Что – там?

– Там... – Лева не смог подобрать слов и принялся жестикулировать, как немой.

Яцек осторожно вошел в комнату, где, зарывшись в какие-то тряпки, лежал раненый человек.

– Воды, – повторил он.

– На кухню сходи, я там чайник видел, – велел Яцек Лева.

Жадно выпив воду, человек закрыл глаза:

– Дякую, хлопчики. Теперь и умирать легче.

Яцек развернул сверток со своим уловом.

– Вот, возьмите, – протянул он раненому кусочек сала, но тот отказался.

– Ешьте, хлопчики, сами, а я и так помру. Мне недолго осталось.

Кусочек сала был размером со спичечный коробок. При виде него у Левы заурчало в животе и рот наполнился слюной. Сала он не ел года два. Кроме сала, Яцеку удалось разжиться несколькими сморщенными картофелинами с белыми рожками отростков, задеревеневшей горбушкой хлеба и пакетом перловой крупы. Яцек не стал предлагать дважды. Он зубами разделал сало пополам – себе и Лева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.